

Два ряда по восемь ярко-красных бумажных фонарей взмывали к небу на длинных шестах перед пятиэтажным теремом, у дверей которого вечно толпился народ.

Шум стоял невообразимый: ржали кони, кричали зазывалы, звенели колёса. Прямо у входа замерла изящная повозка под восьмиугольным расписным навесом. Тощий, точно бамбуковая жердь, слуга торопливо расстилал перед подножкой кусок поношенного шёлка.

Знатные гости прибывали один за другим: ног их не должна была коснуться дорожная пыль, хотя ступали они напрямиком в омут мирской суеты.

Едва они подошли к дверям Павильона Цветущего Аромата, Хо Ляньюнь обернулся, по-свойски приобнял Чжао Лои за шею и кивнул на лавку готового платья, ютившуюся на противоположной стороне улицы, в восточном углу.

— Идём сначала приоденемся, — заговорщицки подмигнул он двоим младшим. — Нечего в таком рванье по весёлым домам шастать. Нас отсюда взащей вытолкают, даже на порог не пустят.

Ли Мэн, конечно, и сам мечтал о новом платье, но лишь робко косился на вывеску лавки, не смея сделать и шага без позволения старших.

Хо Ляньюнь похлопал Чжао Лои по плечу:

— Ну же, пошли.

И кивнул на Шуфэна, у которого уже загорелись глаза от предвкушения.

Шуфэн был учеником третьего шишу. Его наставник водил дружбу с Таоу, так что Чжао Лои, скорее всего, не станет упрямиться и согласится.

Чжао Лои снял бамбуковую шляпу. В Линьчжоу круглый год царила ясная погода. Яркое солнце, хлынувшее на его лицо, немного смягчило застывшее на нём свирепое выражение.

— А Мэн-эр-то вырос, — глухо хрипнул Чжао Лои и зашёлся сухим кашлем.

От этой непривычной мягкости в голосе наставника Ли Мэн растерялся. В его голове вихрем пронеслись воспоминания за весь прошлый год: не натворил ли он чего?

Чжао Лои присел перед ним на корточки. При его могучем телосложении это движение далось ему с видимым трудом, выдав истинный возраст. Если бы он женился в те годы, когда это положено мужчинам в Дацинь, его собственный сын сейчас был бы ровесником Ли Мэна.

Широкая, горячая ладонь легла на ледяную лодыжку мальчика. Ли Мэн невольно вздрогнул.

— На... наставник...

Одежда на Ли Мэне была старой — той самой, в которой он год назад бежал из Жуйчжоу. За всё это время никто не позаботился сшить ему ничего нового, а подростки в его возрасте растут быстро. Теперь штанины едва доходили ему до щиколоток, обнажая полоску кожи шириной в ладонь.

— Сшейте ему четыре смены платья. И две пары обуви, — распорядился Чжао Лои.

Увидев, что Чжао Лои наконец обратил на него внимание, Хо Ляньюнь заметно повеселел. Смех отозвался резкой болью в груди, где ещё была рана от меча, но он лишь отмахнулся:

— Отлично! Моё серебро — твоё серебро, Четвёртый. Как скажешь, так и сделаем.

Лавка оказалась крошечной, буквально в два шага шириной, зато ткани здесь держали отменные.

Едва колокольчик над дверью звякнул, хозяйка лениво приподняла веки из-за прилавка. Она скользнула равнодушным взглядом по Шуфэну, а когда перевела взор на Ли Мэна, мальчик от испуга попятился и уткнулся спиной прямо в грудь наставника. Потирая ушибленный затылок, он почувствовал, как тяжёлая ладонь Чжао Лои мягко, но властно подтолкнула его вперёд.

— Мой ученик, — коротко обронил великий жрец.

Он пристально осмотрел вешалки. Чжао Лои указал длинным пальцем на два висевших повыше халата:

— Иди примерь.

Тут же Ли Мэн почувствовал, как в спину ему упёрся жёсткий наконечник трубки — излюбленный жест наставника. Спорить было бесполезно. Мальчик покорно пошёл за подмастерьем в примерочную, краем глаза заметив, как хозяйка лавки с кокетливой улыбкой увлекает Хо Ляньюня за расшитую цветами тяжёлую занавеску, ведущую во внутренние покои.

Служка поднёс Чжао Лои чашу с чаем. Тот достал огниво, собираясь раскурить трубку. Он пристально посмотрел на колышущуюся шторку примерочной.

Сделав глубокую затяжку, Чжао Лои отвернулся к выходу и неторопливо выпустил струю сизого дыма на улицу.

Тем временем в тесной каморке Ли Мэн стаскивал свой старый поношенный халат. Он ещё не успел развязать пояс, как ткань намоталась на голову, погрузив его во тьму. Вдруг кто-то больно ущипнул его за бок. Мальчик от неожиданности едва не вскрикнул, но тут же услышал шёпот Шуфэна:

— Ну и талия у тебя, мелкий, тонкая, как ветка ивы. Сразу видно, что на тренировках только и делаешь, что бездельничаешь. То ли дело я!

Ли Мэн наконец высвободил голову из вороха одежды и шумно вздохнул. Шуфэн к этому времени тоже успел раздеться.

Старший брат был высок и жилист, а его торс покрывали крепкие, литые бугры мышц.

Заметив смущение Ли Мэна, Шуфэн усмехнулся и снова игриво ткнул его под рёбра:

— Ничего, ты просто поздно начал. Через пару лет догонишь. Твой наставник — страшный человек. В клане даже старшие братья перед ним лебезят. Его курительная трубка поострее будет, чем тесак моего учителя.

— Он меня всё равно ничему не учит, — буркнул Ли Мэн, разглядывая своё тусклое отражение в большом бронзовом зеркале.

Зеркало было дешёвым и неровным, оно безбожно вытягивало и кривило пропорции, превращая мальчика в нелепое чучело.

Шуфэн бесцеремонно оттолкнул его плечом, пригладил растрёпанные волосы на лбу, вздёрнул подбородок и принялся застёгивать ворот нового халата под самым горлом. Поняв, что дышать стало нечем, он торопливо ослабил верхнюю пуговицу.

— Ты скоро там? — недовольно спросил Ли Мэн. Из-за широкой спины Шуфэна он вообще ничего не мог разглядеть.

— Всё-всё, готов, — хохотнул тот и вышел из каморки.

Следом потянулся и Ли Мэн. Чжао Лои, не спеша потягивавший чай, смерил его оценивающим взглядом. Яркий васильковый шёлк на удивление шёл мальчику, подчёркивая его тонкие, благородные черты лица. Узкий разрез глаз выдавал в нём книжника и сына хорошей семьи. Чжао Лои о чём-то задумался, мерно постукивая средним пальцем по краю стола. Подмастерье уже открыл было рот, чтобы рассыпаться в комплиментах, но великий жрец сухо бросил:

— Переодень.

Служка послушно сглотнул готовые сорваться славословия и принёс другой халат.

Когда подростки закончили примерку, настал черёд Чжао Лои.

Ли Мэн не решился занять освободившееся кресло наставника и остался робко стоять у входа.

— Не знал, что местная хозяйка так любит коров, — хмыкнул Шуфэн, разглядывая развешанные по стенам картины.

— О, это не нашей госпожи причуда, — угодливо вмешался подмастерье, расставляя на столике пиалы с фруктами. — Все эти свитки — дары молодого маркиза. Недавно в наших краях объявился самородок, да такой, что сам Император призвал его во дворец. В год он выпускает не больше пяти-шести работ, за ними вельможи в очередь выстраиваются. Да вот только с прошлого года этот мастер почему-то пристрастился писать коров. Из шести его картин лишь на одной изображены карпы в лotosовом пруду, а на остальных — сплошь пахотные воны. Поговаривают, он сам в детстве пас скот. Угощайтесь, молодые господа.

Ли Мэн вяло скользнул взглядом по тарелке, хотя в глубине души почувствовал укол зависти.

Когда-то в его родном доме подобных сокровищ было пруд пруди. Отец Ли Мэна обожал живопись и каллиграфию. После того как он примкнул к Чжао Цяньяну, дела его пошли в гору, чины сыпались один за другим, и все прочили ему кресло канцлера.

— Пойдите, молодой господин, их не так едят! Нужно сначала очистить от кожуры, иначе всё раздавите, — засуетился служка.

Ли Мэн растерянно разжал ладонь — спелый лонган в его пальцах лопнул, залив кожу липким сладким соком. Подмастерье торопливо подал чистое полотенце и заменил испорченный плод.

В этот момент из примерочной вышел Чжао Лои. На нём был строгий чёрный халат, по подолу и рукавам которого вился едва заметный узор из тёмных плывущих облаков.

Ли Мэн от неожиданности сглотнул слюну и поперхнулся косточкой от лонгана, зайдясь в сухом кашле.

Чжао Лои едва заметно нахмурился.

Шуфэн поспешил протянуть другу чашу с водой, а сам заворожённо уставился на наставника:

— Четвёртый шишу, а вам чертовски идёт этот наряд!

Чжао Лои действительно был сложен великолепно — широкоплечий, сильный, с безупречной осанкой воина. Но этот чёрный шёлк пробудил в душе Ли Мэна леденящие воспоминания. Впервые он увидел Чжао Лои именно в такую ночь — ночь, когда рухнул его привычный мир, а в ворота их усадьбы бешено, зловеще заколотили.

"Тридцать семь человек. В списках ровно тридцать семь душ, господин министр. Можете не беспокоиться".

Разбуженный посреди ночи нянькой, тринадцатилетний Ли Мэн ничего не понимал. А затем он увидел, как из отцовского кабинета выходит высокий мужчина в тяжёлых доспехах. Отец, казавшийся мальчику несокрушимой скалой, стоял перед ним с поникшей головой, а сам был полон неизбывного горя.

"Спрячься здесь. И что бы ни случилось снаружи, не смей выходить, — прошептала мать, кутаясь в тонкую накидку. Стоял лютый студёный декабрь".

Ли Мэн сидел по пояс в ледяной воде внутри огромного чана. Со временем холод сковал его тело так, что он перестал чувствовать собственные ноги.

Он судорожно сжимал бамбуковую крышку над головой, умирая от страха. До его слуха доносились то истошные крики, то мёртвая, сводящая с ума тишина.

А затем крышку кто-то потянул вверх. Мальчик вцепился в неё мёртвой хваткой, наивно веря, что если удержит эту преграду, то сможет остаться невидимым.

Но чудовищная сила легко выдернула его из чана. Оказавшись на полу, Ли Мэн затаил дыхание, уверенный, что настал его последний миг.

Перед ним высился человек в глухом чёрном одеянии, сливавшемся с ночным мраком.

Мужчина закинул его к себе на спину, заставив обхватить руками шею, и уверенно зашагал прочь. И в этот момент над самым ухом Ли Мэна раздался низкий, хриплый голос:

— Теперь я твой наставник.

На тыльной стороне ладони человека, который безжалостно пустил красного петуха по резиденции министра юстиции, красовалось клеймо в виде оскаленного Цюнци.

— Ну как? — вывел его из оцепенения голос Чжао Лои.

Ли Мэн вздрогнул и испуганно вжал голову в плечи.

Привыкший к этой вечной повадке испуганной мыши, Чжао Лои лишь равнодушно отряхнул полы халата и повернулся к ростовому зеркалу.

Ли Мэн мысленно перевёл дух, радуясь, что отвечать не пришлось.

— Хорошо ли смотрится наставник? — вдруг обернулся к нему Чжао Лои.

— Х-хорошо... — выдавил из себя мальчик, заклиная землю расступиться под ногами.

Чжао Лои слегка приподнял бровь, указал пальцем на Шуфэна, Ли Мэна и себя, после чего бросил службе:

— Сколько?

Тот назвал сумму. Наставник, которого Ли Мэн до сих пор считал нищим бродягой, небрежно выудил из кошелька измятую крупную ассигнацию.

В этот момент Ли Мэн впервые подумал, что Чжао Лои может быть по-настоящему притягательным. Особенно когда тот бросил через плечо: «Сдачу оставь себе, купи своей хозяйке приличное платье». Выглядело это чертовски эффектно.

— Я же сказал, запиши на мой счёт, — послышался недовольный голос из глубины лавки.

На свет божий выбрался Хо Ляньюнь — он тоже переоделся во внутренних покоях.

Ли Мэну показалось, что лицо хозяйки лавки ему смутно знакомо. Он долго рылся в памяти и наконец вспомнил: прошлым летом в Жуйчжоу в Башне Десяти Направлений близкие друзья наставника праздновали Новый год. Тогда к ним заходила женщина с кувшином вина — укутанная в дорогую лисью шубу, с изящным личиком, обрамлённым пушистым мехом. Это была она. Кажется, её звали... Мэй... Су Мэй.

— Четвёртый брат здесь, так что за чудачества Второго я теперь могу не переживать, — певуче проговорила женщина, с улыбкой глядя на Ли Мэна и Шуфэна.

Каждому она протянула по увесистому серебряному слитку. Ли Мэн поспешно спрятал

подарок в рукав, а Шуфэн расплылся в довольной улыбке.

— Будешь язвить — больше не помогу тебе доставать картины того столичного затворника, — беззлобно огрызнулся Хо Ляньюнь.

— Ой, подумаешь! Четвёртый брат тоже сможет мне их достать, — кокетливо отозвалась Су Мэй.

Грациозная, точно молодая ива, она ласково опиралась на руку Хо Ляньюня, но стоило им выйти на порог, как она тут же отстранилась, не смея приближаться к Чжао Лои.

Теперь Ли Мэн окончательно убедился: её звали Су Мэй, и она тоже принадлежала к Башне Десяти Направлений.

Стоило им переступить порог Павильона Цветущего Аромата, как навстречу выплыла дородная, изрядно раздавшаяся в талии хозяйка заведения. Завидев Хо Ляньюня, она расплылась в приторной улыбке, фамильярно ухватила его под локоть и увлекла внутрь, зычным голосом приказывая девицам ублажить дорогих гостей.

— Ох, братец... Ну и красавицы тут, — Шуфэн так и заёрзал на месте, потирая ладони, но пускаться во все тяжкие сразу не решился.

Будучи младшими по рангу, они жались друг к другу.

Ли Мэн безмолвно, точно тень, следовал за Чжао Лои.

Наставник остановился на ступенях лестницы, обернулся и смерил мальчишек тяжёлым взглядом, преградив им путь концом своей трубки. Этот жест Ли Мэн знал наизусть: «Дальше хода нет».

— Ступайте, найдите себе девиц для забавы, — Чжао Лои швырнул им кошель — тот самый, что достался ему от Су Мэй.

У Шуфэна от радости перехватило дыхание. Он ухватил кошель, хлопнул Ли Мэна по плечу и заговорщицки шепнул:

— Глянь на ту, в розовом халате. Как тебе?

Ли Мэн лишь угрюмо нахмурился, провожая взглядом Чжао Лои и Хо Ляньюня, которые под

предводительством хозяйки скрылись за дверью с позолоченной табличкой, украшенной двумя символами «руи» и иероглифом «Орхидея».

— Я никуда не пойду. Развлекайся сам, — бросил Ли Мэн.

С этими словами он ловко выскользнул из душного облака благовоний и пудры. Его боевые навыки оставляли желать лучшего, но искусство вовремя делать ноги он освоил в совершенстве. На опасных тропах Цзянху новичку вроде него бегать приходилось частенько. Чжао Лои и сам как-то обронил: «Учиться боевым искусствам тебе уже поздновато. Прежде чем учиться убивать, научись выживать. И смотри мне, не вздумай опозорить моё имя».

Шуфэн окликнул его пару раз, но тут же подросевшая девица выхватила у него из рук кошелёк, и ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться обстоятельствам, благо в его молодом теле уже разгорался нешуточный юношеский пыл.

Нижний этаж Павильона Цветущего Аромата предназначался для выпивки и азартных игр. В Линьчжоу на кости и карты смотрели сквозь пальцы — играй сколько влезет, лишь бы обошлось без поножовщины.

Наверху царили покой и изящество, внизу же стоял сплошной чад и гвалт. Ли Мэн едва спустился, как от густого запаха дешёвых румян у него закружилась голова.

Покрутившись среди столов и едва увернувшись от настырных девиц, пытавшихся усадить его за игру, мальчик проскользнул вслед за расторопным слугой к неприметной двери, ведущей на задний двор.

Ли Мэн поднял голову. На третьем этаже тускло светилось лишь одно окно. Вдоль фасада тянулась открытая галерея, а к ней вела крутая деревянная лестница.

Взявшись за перила, мальчик заколебался. В памяти всплыл случай, когда он нечаянно застал Чжао Лои за мытьём. На самом деле разглядеть он ничего не успел, но в ту же ночь им пришлось делить одну постель. Поговаривали, что его старших братьев дяди-наставники всегда брали под своё одеяло, когда приходилось ночевать в суровых условиях — в походах или во время охоты на врагов тепло чужого тела спасало от лютой стужи.

Но Чжао Лои никогда не обнимал его. Он всегда спал, повернувшись к мальчику широкой, каменной спиной, а порой и вовсе перетягивал на себя всё одеяло. Из-за этого в первый год службы Ли Мэн раз семь подхватывал жестокую простуду и теперь всегда носил при себе целебные пилюли третьего шишу, грызя их вместо сладостей.

Что же до того случая в бане — Ли Мэн тогда пулей вылетел за дверь, оглушительно хлопнув створкой. Мелькнувший силуэт наставника ничем его не удивил: у Чжао Лои было ровно то же, что и у него самого, а чего у наставника не было... того, разумеется, не водилось и у Ли Мэна.

Однако вечером, стоило им лечь, в темноте раздался ледяной голос Чжао Лои:

— Ещё раз уставишься туда, куда не просят — можешь не ждать, пока я приложу руку. Сам себе зенки выколешь.

Ли Мэн не знал, шутил ли наставник, но прекрасно помнил, как вскоре на тракте им попался заносчивый бродячий мечник, который после короткой стычки с Чжао Лои лишился глаз — наставник попросту выжег их раскалённым клеймом.

Страх Ли Мэна перед Чжао Лои имел под собой веские основания. Мальчишке едва исполнилось тринадцать, когда его увёл за собой безжалостный убийца, спаливший дотла его родной дом. И пусть теперь Ли Мэн звал его «наставником», в этом слове не было и капли родственной близости — лишь глухое понимание того, что он вынужден выживать под крылом чудовища, ежеминутно проверяя, не подсыпали ли ему яд в плошку с рисом.

Впрочем, за эти неполные два года они виделись не так уж часто. Чжао Лои постоянно пересылал его от одного соратника к другому, от тётушек к дядьям, нигде не давая осесть надолго. Лишь после праздника весны его вместе с Шуфэном отправили в Линьчжоу «осмотреться». На самом деле Ли Мэн подозревал, что старшие просто хотели дать им немного пообтереться среди людей.

Шуфэн был всего на год старше, и ни один из них ни разу не выполнял серьёзных поручений. Ли Мэн сильно сомневался, что они вообще на что-то способны. Более того, он до сих пор понятия не имел, кто именно из убийц Башни прибудет на этот раз, кого им приказано устранить и как они будут заматывать следы.

Поэтому весь этот год Ли Мэн прилежно ел, рос и усердно заучивал базовые стойки из потрёпанного руководства по внутренним техникам, которое ему небрежно швырнул Чжао Лои.

Мальчик тряхнул головой, отгоняя лишние думы, и ступил на лестницу.

И вдруг он резко замер.

Окно комнаты под вывеской «Орхидея» внезапно погасло, погрузив галерею третьего этажа в глухую, зловещую тьму.